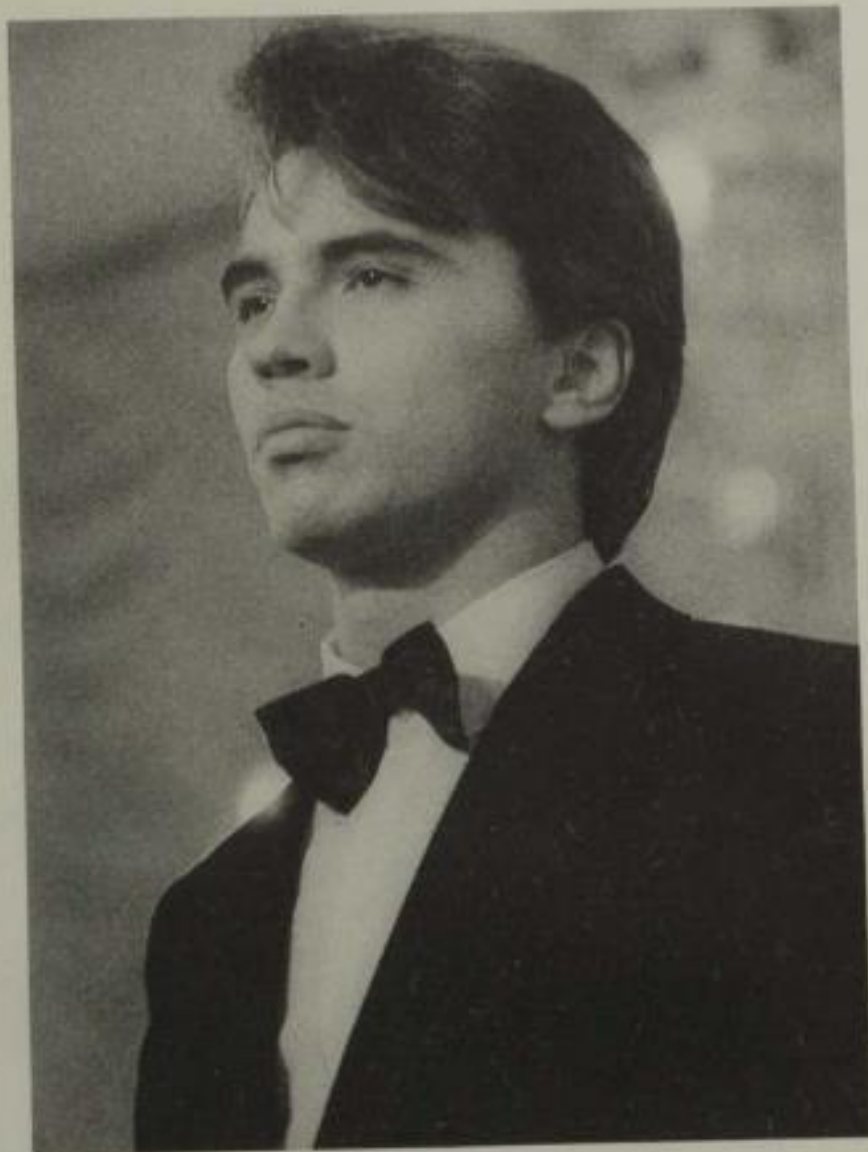

3/15-6

Светская
МУЗЫКА

МАРТ 1991 3

Дмитрий Хворостовский

Фото Александра Ратникова

Наталья Шпиллер

Наша гордость и наша забота

В вокальном искусстве смена поколений происходит примерно каждые пятнадцать-двадцать лет (безусловно, певцы, сохранившие свои профессиональные качества и по истечении названного срока, поют значительно дольше). В этот период артист проходит путь от становления до завоевания высот, которые надо удержать, что отнюдь не легко.

За последние десять лет появилось немало певцов, снижавших известность не только у нас в Союзе, но и за рубежом. Творчество П. Бурчуладзе, М. Томадзе, Н. Троицкой, М. Гулегиной (я назвала лишь несколько имен) заслуживает самого пристального внимания, и здесь нельзя ограничиться однотипными короткими восторженными газетными заметками, нужны более развернутые, серьезные исследования.

Данная статья преследует более скромную цель. Мне просто хотелось поделиться несколькими соображениями относительно певца, ставшего в последнее время, пожалуй, самой заметной фигурой среди лауреатов международных вокальных конкурсов. Речь идет о Дмитрии Хворостовском.

Впервые мне довелось его послушать студентом подготовительного курса кафедры сольного пения Красноярского института искусств. Было ему тогда без малого восемнадцать лет. Затем он превосходно выступил на ежегодном Всероссийском смотре выпускников вокалистов в Воронеже. После окончания института последовало несколько убедительных побед на вокальных конкурсах — всероссийском, всесоюзном (имени Глинки) и международном. И, наконец, триумфальный успех в 1988 году в Лондоне на конкурсе Би-би-си, после чего пресса оценила Хворостовского как первого баритона мира.

Театры и концертные залы разных стран раскрыли перед ним свои двери. Что может быть прекраснее! И как тут не радоваться, как не гордиться! Ведь это наш родной талант, вскормленный в далеком Красноярске, бережно воспитанный профессором молодого института искусств Екатериной Константиновной Иофель. Однако мировая слава, так внезапно свалившаяся на плечи начинающего певца, — ноша тяжелая. Опьянение от успехов может помешать артисту критически относиться к себе, объективно воспринимать разные о себе мнения, прислушиваться к советам. Все перечисленное необходимо любому артисту, тем более такому яркому, как Хворостовский, дабы эта яркость сохранилась как можно дольше.

Что же мне хотелось бы сказать о нем? Что поддерживать в его творчестве, от чего предостеречь? Природа одарила Хворостовского великолепным голосом — лирическим баритоном красивого тембра и полного диапазо-

Н. Троицкая и Д. Хворостовский

на. Очень привлекают присущие певцу свободная манера звукоизвлечения и природное сценическое обаяние. В его камерном репертуаре почетное место отведено русским композиторам. Естественная простота, сердечность, искренность — черты, без которых немислимо соприкосновение с русской музыкой, — близки его творческой индивидуальности, что и помогает ему находить верный подход к ней, начиная с ее истоков — русской народной песни. Казалось бы, такая бесхитростная, оуа на самом деле очень глубока по содержанию. Проникнуть в него, в частности передать такую неотъемлемую черту, как задушевность, удастся далеко не всем певцам. Хворостовскому — удастся. В одной из своих программ он спел а cappella «Ах ты, ноченька» (в обработке П. Триодина), и песня, как говорится, запала в душу. Исполнение было безупречным.

В целом удачной оказалась и программа из произведений Чайковского и Рахманинова, хотя короткий репетиционный период не дал возможности до конца обрести в ней единое дыхание. Нельзя не выразить глубокой благодарности Олегу Драгомировичу Бошняковичу, аккомпанировавшему певцу. Почувствовав редкую индивидуальность Хворостовского, он несомненно способствовал углублению его исполнительской мысли, оберегая от внешних неоправданных эффектов. Многие из прозвучавших романсов погрузили слушателей в подлинную музыку. Ансамбль талантливого молодого певца и талантливого маститого пианиста — событие в высшей степени примечательное. Хотелось бы, чтобы такой ансамбль сохранился подольше. Ведь связь времен, передача традиций — одна из мощных движущих сил в развитии культуры.

Главное богатство голоса — его тембр, и задача вокалиста — сохранять его чистоту. В начале карьеры редко кто об этом заботится. Лишь бы звучало громко. До поры молодость выручает. Но стоит вовремя напомнить, что в превышении звучности, увлечении крупным плотным звуковым посылом таится опасность. Незаметно подкрадываются тремолы, особенно в верхнем регистре, потрескивание на среднем участке диапазона, нечистая интонация, утрата свежести и т. д. Обо всем этом думалось при знакомстве с оперным репертуаром Хворостовского. Партии, написанные для сугубо лирических голосов, немногочисленны. Их даже не всегда можно точно охарактеризовать. Конечно, с возрастающим опытом, с освоением мастерства певец может расширять репертуарные рамки, но делать это надо осторожно, чтобы не укоротить свой артистический век.

У Хворостовского есть тенденция превышать свои возможности. Очень спорно включение в его репертуар арий Мазепы, Миллера («Луиза Миллер» Верди) или сцены смерти ди Позы из «Дона Карлоса». Все эти произведения требуют известного напряжения звучности, которое немедленно отражается на красоте тембра. Вызывает решительный протест исполнение арии Адеко, написанной для баса или в лучшем случае крупного драматического баритона.

Но зато как чудесно звучал голос Хворостовского в симфоническом концерте на сцене Большого театра СССР, где артист выступал вместе с Натальей Троицкой. Ария ди Луны из «Трубадура» и сцена Сильвио из «Паяцев» были спеты им превосходно. А вот в арии Жермона излишняя чувствительность и ненужные вскрики снизили впечатление (к тому же в нотный текст вкрались неточности). Подражание отнюдь не лучшим приемам итальянского исполнительства никак нельзя одобрить. Досадно об этом говорить после того, как в своей камерной программе певец проявил идеальный вкус.

Каватина Фигаро из «Севильского цирюльника» исполняется Хворостовским традиционно, со вставными верхними нотами, руладами, украшениями, что очень хорошо. Характер образа, его динамика ощущаются певцом органично и свободно. И тем не менее с точки зрения виртуозности, очень сложной в этой арии, известная недоработанность еще чувствуется. Но со временем она устранилась и партия Фигаро несомненно будет одним из блестящих достижений певца. Сегодня к таковым я могла бы причислить исполнение арии Елецкого. Здесь в каждом звуке, в каждой фразе дает о себе знать длительная, кропотливая работа. Она-то и определяет творческую стабильность любого исполнителя, ведет к дальнейшему совершенствованию и расцвету его дарования. Именно такое отношение к рабочему режиму следует артисту сохранять на протяжении всей творческой жизни.

Эта жизнь, как я уже говорила, началась у Хворостовского удачно. Достигнутый певцом успех вполне заслужен. Но предстоит его закрепить и двигаться дальше, да так, чтобы творческий путь продолжался как можно дольше. А на этом пути именно певцов подстерегают всякие неожиданности. Ведь голос — инструмент очень нежный и непредсказуемый. То он пышно расцветает, то, от малейшего неосторожного с ним обращения, внезапно увядает. Причин тому много: нервная усталость,

мышечная перегрузка, неверный подбор репертуара. И избави Бог, в какой-то момент прийти в состояние творческой опустошенности, порождающей небрежности в работе, в поддержании вокальной формы, притупляющей стремление глубже проникнуть в замысел композитора, в звучащий образ. Что же касается успеха у публики, то частое появление имени певца на афишах крупных городов может внести в ее отношение к нему некий элемент обыденности. Об этом тоже надо помнить.

Пока мы знаем Хворостовского больше по его концертным программам. Что же, можно ограничиться этим профилем, последовав примеру таких видных певцов, как Б. Гмыря или К. Лисовский, обладателей крупных голосов. Но Хворостовский — солист Красноярского театра оперы и балета, где он поет ответственные партии баритонового репертуара. В этом амплуа он появляется и на оперных сценах других стран. Хотелось бы, чтобы полюбившийся артист показался и в театрах столицы, и не только в качестве гастролера.

Дмитрий Хворостовский нужен нашей стране. Его желание повидать мир, расширить свой интеллектуальный и творческий кругозор совершенно понятно. Но необходима и разумная оседлость, позволяющая создать режим — как в быту, так и в работе. При постоянной жизни на колесах совершенствование может прекратиться.

Оперное искусство сегодня часто подвергается критике, справедливой и несправедливой. Поиски новых форм управления, финансирования, введение системы договоров не могли не пошатнуть сплоченности коллективов. Постепенно уходят такие понятия, как любовь к своему театру, верность его традициям. В том же ряду — недостаточное внимание театров к гениальным русским операм. Нередко западные оперы звучат на языке оригинала, а ведь существуют богатейшие по своей художественной ценности русские переводы текстов (Жуковский, Лермонтов, Пастернак). В этом отношении итальянцы заслуживают глубокого уважения за верность своей родной музыке, которую они не предают так легко, как мы.

На сценах должны появляться новые имена. Им надо успеть принять эстафету мастерства от старшего поколения и прочно влиться в коллектив. Наши ведущие театры и, конечно, Большой театр СССР должны быть заинтересованы в привлечении ярких молодых артистов способных своим дарованием вновь возжечь затухающий факел оперного искусства.

К таким артистам можно причислить Дмитрия Хворостовского, от которого мы ждем дальнейших успехов. Счастливого ему пути!